

БАРОМЪ БРАМБЕУСЪ.

(СЕНЬКОВСКІЙ.)

БОЛЬШОЙ ВЫХОДЪ У САТАНЫ.

В нѣдрахъ земнаго шара есть огромная зала, имѣющая, кажется, 99 верстъ вышины: въ Отечественныхъ Запискахъ сказано, будто она вышиною въ 999 верстъ; но Отечественнымъ Запискамъ ни въ чемъ, — даже и въ разсужденіи ада, — вѣрить не возможно.

Въ этой залѣ стоитъ великолѣпный пре-

столь повелителя подземнаго царства, построенный изъ человѣческихъ оставовъ и украшенный, вмѣсто бронзы, сухими летучими мышами. Это должно быть очень красиво. На немъ садится Сатана, когда даетъ аудіенцію своимъ посланникамъ, возвращающимся изъ поднебесныхъ странъ, или когда принимаетъ поздравленія чертей и знаменитѣйшихъ проклятыхъ, коими зала, при такихъ торжественныхъ случаяхъ, бываетъ наполнена до самаго потолка.

Если вамъ когда либо случилось читать мудрыя сочиненія Патера Бузенбаума, Иезуитскаго Богослова и Философа, то вы знаете, — да какъ этого не знать? — что черти днемъ почиваютъ, встаютъ же около заката солнца, когда въ Римѣ отпоютъ вечерню. Въ то же самое время просыпается и Сатана. Проснувшись, онъ надѣваетъ на себя халатъ изъ толстой конвертной бумаги, расписанный въ видѣ пылающаго пламени, который получилъ онъ въ подарокъ изъ гардероба Испанской Инквизиціи: въ этихъ халатахъ у насъ, на землѣ, люди сожигали людей. Засимъ, выходитъ онъ въ залу, гдѣ уже его ожидаетъ многочисленное собраніе довѣренныхъ чертей, подземныхъ вельможъ, адскихъ льстецовъ, адскихъ придворныхъ и адскихъ наушниковъ: тутъ вы найдете пропасть еретиковъ, заслуженныхъ грѣшниковъ и прославленныхъ изверговъ, вмѣстѣ съ тѣми, которые ихъ прославляли въ предисловіяхъ и посвященіяхъ, — словомъ, всё *знаменитости ада*.

Заскрипѣла чугунная дверь спальни царя тмы; Сатана вошелъ въ залу, и сѣлъ на своемъ престолѣ. Всѣ присутствующіе ударили челомъ и громко закричали! *святая!* — но гдѣса ихъ никто бъ изъ васъ не услышалъ, потому, что они тѣни, и крикъ ихъ только тѣнь крика. Чтобъ услышать звуки сего рода, надо быть чортомъ или донощикомъ.

Лукулль, скончавшійся отъ обжорства, исправляетъ при Дворѣ его должность Оберъ-Гофмейстерскую: онъ завѣдываетъ кухней, заказываетъ обѣдъ и самъ подаетъ завтракъ. Какъ скоро утихъ этотъ неудобослышимый шумъ торжественнаго привѣтствія, Лукулль выступилъ впередъ, держа въ рукахъ колоссальный подносъ, на которомъ удобно можно было бы выстроить кабаезъ съ библіотекою для чтенія: на немъ стояли два большіе портерные котла, одинъ съ кофеемъ, а другой со сливками; Римская слѣзная урна, служащая вмѣсто чашки; Египетская гранитная гробница, обращенная въ ящикъ для сахара, и старая сороковая бочка, наполненная сухарями и бисквитами, для завтрака грозному обладателю ада.

Сатана вынулъ изъ гробницы огромную глыбу квасцовъ, — ибо онъ ни какого сахару, даже и свекловичнаго, даже и постнаго, терпѣть не можетъ, — и положилъ ее въ урну; налилъ изъ одного котла чистаго Смоленскаго дегтю, употребляемаго имъ вмѣсто кофейнаго отвара, а изъ другаго подбавилъ купороснаго масла, замѣняющаго въ аду сливки, и черную исполинскую лану свою погрузилъ въ бочку, чтобы достать пару сухарей.

Но въ аду и сухари не похожи на наши: у насъ они печёные, а тамъ печатанные.

Попивая свой адскій кофе, царь чертей, преутонченный гастрономъ, страстно любитъ пожирать наши несчастныя книги въ стихахъ и прозѣ; толстыя и тонкія различнаго формата произведенія нашихъ земскихъ Словесностей; томы Логикъ, Психологій и Энциклопедій; собранія Разысканій, коими ничего не отыскано; Исторій, въ коихъ ничего не сказано; Риторикъ, которыя ничему не выучили, и Разсужденій, которыя ничего не доказали, — особенно, всякія большія поэмы, описательныя, повѣствовательныя, нравоучительныя, философскія, эпическія, дидактическія, классическія, романтическія, прозаическія, и проч., и проч. Съ нѣкотораго времени, однако жъ, онъ примѣтилъ, что этотъ родъ пирожнаго обременялъ его желудокъ, и потому приказалъ подавать къ завтраку только новыя Повѣсти Историческія, писанныя по послѣдней модѣ; новыя Мелодрамы; новыя Трагедіи въ шести, семи и девяти картинахъ; новыя Романы въ стихахъ и Романы въ родѣ Валтеръ-Скотта; новыя стихотворныя Размышленія, Сказки, Мессеніяны и Баллады, — какъ несравненно легче первыхъ, обильно переложенные бѣлыми страницами, набранныя очень рѣдко, растворенныя точками и виньетками и почти столь же безвредныя для желудка и головы, какъ и обыкновенная бѣлая бумага. Сухари эти прописалъ ему придворный его Лейбъ-Медикъ, извѣстный Докторъ Медицины и Хирургіи, Иппократъ, убившій на землѣ своими рецептами 120,000 чело-вѣкъ и за то возведенный людьми въ санъ отцевъ врачебной науки, — впрочемъ, умный проклятый, который доказываетъ, что въ нынѣшнемъ вѣкѣ мятежей и трюфлей весьма полезно имѣть нѣсколько свободный желудокъ.

Сатана вынулъ изъ бочки четыре небольшіе тома, красиво переплетенные и казавшіеся очень вкусными; обмакнулъ ихъ въ своемъ кофе, положилъ въ ротъ, раскусилъ пополамъ, пожевалъ и — вдругъ сморщился ужасно.

— „Гдѣ чортъ фонъ-Аугстабе?“ вскричалъ онъ съ сердитымъ видомъ.

Мгновенно выскочилъ изъ толпы духъ огромнаго роста, плотный, жирный, румяный, въ старой трехъ-угольной шляпѣ, и ударилъ челомъ повелителю. Это былъ его Библиотекаръ, бѣсъ чрезвычайно ученый, прежде бывший Нѣмецкій Gelehrter, который зналъ наизусть полныя заглавія всѣхъ сочиненій, могъ высказать наперечетъ всѣхъ изданія, помнилъ сколько въ какой книгѣ страницъ и презиралъ то, чтò на страницахъ, какъ пустую Словесность, — исключая опечатки, кои почиталъ онъ, однѣ лишь изо всѣхъ произведеній ума человѣческаго, достойными особеннаго вниманія.

— „Негодяй! какіе прислалъ ты мнѣ сухари?“ сказалъ гнѣвный Сатана „Они черствы, какъ дрова.“

— „Ваша Мрачность!“ отвѣчалъ испуганный бѣсъ: „другихъ не могъ достать. Правда, что сочиненія нѣсколько старыя; но за то какія изданія! — самыя новыя, только-что изъ печати.“

— „Сколько разъ говорилъ я тебѣ, что не люблю вещей разогрѣтыхъ?... При томъ же, я приказалъ подавать себѣ только легкое и пріятное, а ты подсунулъ мнѣ что-то такое жесткое, сухое, безвкусное....“

— „Мрачнѣйшій повелитель, смѣю увѣрить васъ, что это лучшія творенія нашего времени.“

— „Это лучшія творенія вашего времени?... Такъ, ваше время ужасно глупо!“

— „Не моя вина, Ваша Мрачность: я Библиотекаръ, глупостей не произвожу, а только привожу ихъ въ порядокъ и систематически располагаю. Вы изволите говорить, что сухари не довольно легки: легче этихъ и желать не возможно: въ цѣлой этой бочкѣ, въ которой найдете вы всю прошлогоднюю Словесность, нѣтъ ни одной твердой мысли. Если же они не такъ свѣжи, то виноватъ вашъ пьяный Харонъ, который, не далѣе вчерашняго дня, сорокъ корзинъ произведеній послѣднихъ четырехъ мѣсяцевъ, во время перевозки, уронилъ въ Лету....“ —

Между тѣмъ, какъ Библиотекаръ всячески оправдывался, Сатана, изъ любопытства, откинулъ обертку оставшагося у него въ рукахъ куска книги, и увидѣлъ слѣдующій остатокъ заглавія: „..... *изъ оманъ .. торж. сочин. а 830.*“

— „Что это такое?“ сказалъ онъ, пяля на него грозные глаза. „Это даже не разогрѣтое?... Э!... смотри: 1830 года?...“

— „Видно, оно не стоило того, чтобы разогрѣвать,“ примолвилъ толстый бѣсъ, съ глупою улыбкой.

— „Да это съ макомъ!“ воскликнулъ Сатана, рассмотрѣвъ внимательно тотъ же кусокъ книги.

— „Ваша Мрачность! скорѣе уснете послѣ такого завтрака,“ отвѣчалъ бѣсъ, опять улыбаясь.

— „Ты меня обманываешь, да ты же еще и смѣешься!...“ заревѣлъ Сатана въ адскомъ гнѣвѣ. „Поди ко мнѣ поближе.“—

Толстый бѣсъ подошелъ къ нему со страхомъ. Сатана поймалъ его за ухо, подпаялъ на воздухъ какъ перышко, положилъ въ лежащій подлѣ него шести-аршинный фоліантъ Сочиненій Аристотеля на Греческомъ языкѣ, доставшійся ему въ наслѣдство изъ Библіотеки покойнаго Плутона, затворилъ книгу и самъ на ней усѣлся. Подъ тяжестью гигантскихъ членовъ подземнаго властелина, несчастный смотритель ада книгохранилища въ одно мгновеніе сплюснулся, между жесткими страницами классической прозы, наподобіе сухаго листа мяты. Сатана опредѣлилъ ему, въ наказаніе, служить закладкою для сей книги въ продолженіе 1111 лѣтъ: Сатана надѣется, въ это время, добиться смысла въ сочиненіяхъ Аристотеля, которыя читаетъ онъ почти безпрерывно: Пустое!...

— „Принци мнѣ изъ проклятыхъ, на мѣсто этого педанта, каго либо поумнѣе,“ сказалъ онъ, обращаясь къ Верховному Визирю и любимцу своему, Вельзевуу. „Я намѣренъ сдѣлать, со временемъ, моимъ книгохранителемъ того великаго Библіотекаря и Профессора, который недавно произвелъ на Сѣверѣ такую ужасную суматоху. Когда онъ къ нимъ пожалуетъ, ты немедленно введи его въ должность: только не забудь приковать его крѣпкою цѣпью къ полу библіотеки; не то онъ готовъ и у меня, въ аду, выкинуть революцію и учредить конституціонные бюджеты.“

— „Слушаю!“ отвѣчалъ Визирь, кланаясь въ поясъ и съ благоговѣніемъ цѣлуя конецъ хвоста Сатаны.

Царь чертей сталъ копаться въ бочкѣ, ища лучшихъ сухарей. Онъ взялъ Гернани, Исповѣдь, Петра Выжигина, Notre Dame-de-Paris, Рославлева, Шемякинъ Судъ, и кучу другихъ отличныхъ сочиненій; сложилъ ихъ ровно, помочилъ въ урнѣ, вбилъ себѣ въ ротъ, проглотилъ и занялъ дегтемъ. И надобно знать, что какъ скоро Сатана съѣстъ какую нибудь книгу, слава ея на землѣ вдругъ исчезаетъ, и люди забываютъ объ ея существованіи. Вотъ, почему столько плодовъ авторскаго генія, сначала пріобрѣтшихъ громкую извѣстность, впоследствии внезапно попадаютъ въ совершенное забвеніе: Сатана выкушалъ ихъ съ своимъ кофе!... О томъ нѣтъ ни слова ни въ одной Исторіи Словесности; однако жъ это вещь официальная.

Повелитель ада съѣлъ такимъ образомъ въ одинъ завтракъ Словесность нашу за цѣлый годъ: у него тогда былъ чертовскій аппетитъ. Кушая свой кофе, онъ бросалъ безпокойный взоръ на залу и на присутствующихъ. Что-то такое безпокойло его зрѣніе: онъ чувствовалъ въ глазахъ непріятную рѣзь. Вдругъ, посмотрѣвъ вверхъ, онъ увидѣлъ въ потолокѣ расщелину, чрезъ которую пробивались послѣдніе лучи заходящаго на землѣ солнца. Онъ тотчасъ угадалъ причину боли глазъ своихъ, и вскричалъ:

— „Гдѣ Архитекторъ?... Гдѣ Архитекторъ?... Позовите ко мнѣ этого вора.“—

Длинный, блѣдный, сухощавый проклятый пробился сквозь толпу, и предсталъ предъ Его Нечистою Силою. Онъ назывался Донъ Діего-да Буфало. При жизни своей

строилъ онъ соборную церковь въ Саламанкѣ, изъ которой онъ укралъ ровно три стѣны, увѣривъ казенную Юншу, имѣвшую надзоръ надъ этою постройкою, что заготовленный кирпичъ растаялъ отъ непрерывныхъ дождей и испарился отъ солнца. За сей славный зодческій подвигъ онъ былъ назначенъ, по смерти, придворнымъ архитекторомъ Сатаны. Въ аду мѣста даются только истинно достойнымъ.

— „Мошенникъ!“ воскликнулъ Сатана гнѣвно (онъ всегда такъ восклицаетъ, рассуждая съ своими чиновниками): „всякій день подаетъ мнѣ длинные счета издержкамъ, будто употребленнымъ на починку моихъ чертоговъ, а между-тѣмъ куда ни взгляну, повсюду пропасть дыръ и расщелинъ?..“

— „Старыя зданія, Ваша Мрачность!“ отвѣчалъ проклятый, кланаясь и безстыдно улыбаясь. „Старыя зданія..., ежедневно болѣе и болѣе приходятъ въ ветхость. Эта расщелина произошла отъ послѣдняго землетрясенія. Я уже нѣсколько разъ имѣлъ честь представлять Вашей Нечистой Силѣ, чтобъ было позволено мнѣ сломать весь этотъ адъ и выстроить вамъ новый, въ нынѣшнемъ вкусѣ“.

— „Не хочу!...“ закричалъ Сатана: „не хочу!... Ты имѣешь въ предметѣ обокрасть меня при этомъ случаѣ, потомъ выстроить себѣ гдѣнибудь адишко изъ моего матеріалу, подъ именемъ твоей племянницы, и жить маленькимъ сатаню. Не хочу!... По моему, этотъ адъ еще весьма хорошъ: очень жарокъ и темень, какъ нельзя лучше. Сдѣлай мнѣ только планъ и смѣту для починки потолка“.

— „Планъ и смѣта уже сдѣланы. Вотъ они. Извольте видѣть: надобно будетъ поставить двѣ тысячи колоннъ въ Готическомъ вкусѣ: теперь Готическія колонны въ большой модѣ; сдѣлать Греческій фронтонъ въ видѣ трехъ-угольной шляпы: безъ этого нельзя-жъ!...; перемѣнить архитраву; большую дверь задѣлать въ этой стѣнѣ, а пробить другую въ противоположной; переложить полъ; стѣны украсить каріатидами; сломать старый дворецъ, для открытія проспекта со стороны Таргара; построить два новые флигеля, и лопнувшее въ потолкѣ мѣсто замазать алебастромъ, — тогда солнце отнюдь не будетъ беспокоить Вашей Мрачности“.

— „Какъ?... что?...“ воскликнулъ Сатана въ изумленіи. „Все эти постройки и перестройки по поводу одной дыры?“

— „Да, Ваша Мрачность! точно, по поводу одной дыры. Архитектура предписываетъ намъ, задѣлывая одну дыру, немедленно пробивать другую, для симметріи....“

— „Послушай, плуть! перестань обманывать меня! Вѣдь я тебѣ не членъ Испанской Строительной Юнты“. —

Проклятый поклонился въ землю, плутовски улыбаясь.

— „Велю замаять тебя съ глиною и передѣлать на кирпичъ, для починки печей въ гееннѣ....“ —

Онъ опять улыбнулся и поклонился.

— „Да и любопытно мнѣ знать, сколько все это стоило-бъ по твоимъ предположеніямъ?“

— „Бездѣлицу, Ваша Мрачность. При должной бережливости, производя эти починки хозяйственнымъ образомъ, съ соблюденіемъ казеннаго интереса, онѣ обойдутся только 9,987,408,558,777,900,0009,675,999 червонцевъ, 99 штиверовъ и 49¹/₂ центовъ. Дешевле никто вамъ не починитъ этого потолка“. —

Сатана сморщился, призадумался, почесалъ голову и сказалъ: — „Нѣтъ денегъ!... Теперь время трудное, холерное....“ —

Онъ протянулъ руку къ бочкѣ: всѣ посмотрѣли на него съ любопытствомъ. Онъ вытащилъ изъ нея двѣ толстыя книги: *Умозрительную Физику В**** и *Курсъ Умозрительной Философіи Шеллинга*; раскрылъ ихъ, рассмотрѣлъ, опять закрылъ, и вдругъ швырнулъ ими въ лобъ Архитектору, сказавъ: „На!... возьми эти двѣ книги и заклеи ими расщелину въ потолкѣ: чрезъ эти умозрѣнія никакой свѣтъ не пробьется“.

Метко брошенныя книги пролетѣли сквозь пустую голову тѣни бывшаго Архитектора, точно такъ же, какъ пролетаетъ полный курсъ Университетскаго ученія сквозь порожнія головы иныхъ *баричей*, — не оставивъ послѣ себя ни малѣйшаго слѣда, — и упали позади его на полъ. Архитекторъ улыбнулся, поклонился, поднялъ глубокоумудрыя сочиненія, и пошелъ заклеивать ими потолокъ.

Нѣмецкій студентъ, приговоренный въ Майнцѣ къ аду за участіе въ Союзѣ Добродѣтели, шепнулъ ***ову, извѣстному любителю Канта, Окена, Шеллинга, магнетизма и пѣннику.

— „Этотъ скряга, Сатана, точно такъ судить о Философіи и умозрительности, какъ ***ой о древней Россійской Исторіи“.

— „Неудивительно!...“ отвѣчалъ ***овъ съ презрѣніемъ. „Онъ врагъ всякому движенію умственному....“

— „Что?...“ вскричалъ сердито Сатана, который вездѣ имѣетъ своихъ лазутчиковъ, и все слышитъ и видитъ: „что такое вы сказали?... Еще смѣете рассуждать!... Подите ко мнѣ, шуты! Научу я васъ дѣлать свои замѣчанія въ моемъ аду!“ —

Черти, смотрящіе за порядкомъ въ залѣ, привели къ нему дерзкихъ питомцевъ любомудрія. Сатана схватилъ одного изъ нихъ за волосы, поднялъ на воздухъ, подулъ ему въ носъ и сказалъ: — „Поди, шалунъ, въ геенну чихать два раза всякую секунду въ продолженіе 3333 лѣтъ; а ты, отчаянный философъ“, примолвилъ онъ,

обращаясь къ ***ову: „сиди подлѣ него и приговаривай: Желаю вамъ здравствовать! Подите прочь, дураки!“ —

Засимъ, обратился онъ къ Визирю своему, Вельзевуоу, и спросилъ о дневной очереди. Визирь отвѣчалъ, что въ тотъ вечеръ должны были докладывать ему Оберъ-Предсѣдатель мятежей и революцій, Первый Лордъ-Діаволь Журналистики, Великій Чортъ Словесности и Главноуправляющій супружескими дѣлами.

Предсталъ чортъ старый, гадкій, оборванный, изувѣченный, грязный, отвратительный; со вклоченными волосами, съ однимъ выдолбленнымъ глазомъ, съ однимъ сломаннымъ рогомъ, съ когтями какъ у гіены, съ зубами безъ губъ какъ у трупа и съ большимъ пластыремъ, прилѣпленнымъ сзади, пониже хвоста. Подъ мышкою торчала у него кipa бумагъ, обрызганныхъ грязью и кровію; на головѣ, старая кучерская лакированная шляпа; не шляпѣ; трех-цвѣтная кокарда; за поясомъ, кинжалъ и пара пистолетовъ; въ рукахъ, дубина и ржавое ружье безъ замка. Карманы его набиты были камнями изъ мостовой и кусками бутылочнаго стекла.

Всякъ, и тотъ даже, кто не бывалъ въ Парижѣ, легко угадалъ бы по его наружности, что это долженъ быть злой-духъ мятежей, бунтовъ, переворотовъ.... Онъ назывался Астаротъ.

Онъ предсталъ, поклонился и перекувырнулся раза три на воздухъ, въ знакъ глубочайшаго почтенія.

— „Ну, что?...“ спросилъ царь чертей: „что новаго у тебя слышно?“

— „Ревность къ престолу Вашей Мрачности, всегда руководившая слабыми усиліями моими, и должная заботливость о пользахъ ввѣренной мнѣ части....“

— „Стой!“ воскликнулъ Сатана: „я знаю наизусть это предисловіе: всѣ доклады, въ которыхъ ни о чемъ не говорится, начинаются съ ревности къ моему престолу, Говори мнѣ, коротко и ясно, сколько у тебя новыхъ мятежей въ работѣ.“

— „Нѣтъ ни одного порядочнаго, Ваша Мрачность, кромѣ бунта Паши Египетскаго противъ Турецкаго Султана. Но объ немъ не стоитъ и докладывать, потому, что дѣло между бусурманами.“

— „А зачѣмъ нѣтъ ни одного?“ спросилъ грозно Сатана. „Не далѣе какъ въ прошломъ году, восемь или девять мятежей было начатыхъ въ одно и то же время. Что ты съ ними сдѣлалъ?“

— „Кончились, Ваша Мрачность.“

— „По твоей глупости, недѣятельности, лѣности; по твоему нерадѣнію...“

— „Отнюдь не по тому, Мрачнѣйшій Сатана. Вашей Нечистой Силѣ извѣстно, съ какимъ усердіемъ дѣйствовалъ я всегда на пользу ада; какъ неутомимо ссорилъ людей между собою: доказательствомъ тому, сломанный рогъ и потерянный глазъ, который имѣю честь представить...“

— „Объ этомъ глазѣ толкуешь ты мнѣ 800 лѣтъ сряду: я читалъ, помнится, въ сочиненіяхъ Болландистовъ, что его вышибъ тебѣ башмакомъ извѣстный Петръ Пустынникъ, во время перваго Крестоваго похода, а рогъ ты сломалъ еще въ началѣ XVII вѣка, когда, подружившись съ Іезуитами, затѣялъ на Сѣверѣ глупую шутку прибегнуть нѣсколько разъ сряду Димитріемъ...“

— „Конечно, Мрачнѣйшій Сатана, что эти раны немножко стары; но, подвизаясь непрестанно за вашу славу, теперь вновь я опасно раненъ, именно, въ стычкѣ, послѣдовавшей близъ Кракова, когда съ остатками одной *достаславной* революціи принужденъ былъ уходить бѣгомъ на Австрійскую границу. Если Ваша Мрачность не вѣрите, то, съ вашего позволенія, извольте посмотреть сами...“ —

И оборотаясь спиною къ Сатанѣ, онъ поднялъ рукою вверхъ свой хвостъ, и показал пластырь, прилѣпленный у него сзади. Сатана и все адское собраніе расхохотались, какъ сумасшедшіе.

— „Ха, ха, ха, ха!.., бѣдный мой Оберъ-Предсѣдатель мятежей!...“ воскликнулъ повелитель ада въ веселомъ расположеніи духа. „Кто же тебя уязвилъ такъ безчеловѣчно?“

— „Донской казакъ, Ваша Мрачность, своимъ длиннымъ копьемъ. Это было очень забавно, хотя кончилось непріятно. Я поразскажу вамъ все, какъ что было, и въ нѣсколькихъ словахъ отдамъ полный отчетъ въ послѣднихъ революціяхъ. Во-первыхъ, Вашей Мрачности извѣстно, что, года два тому назадъ, я произвелъ прекрасную суматоху въ Парижѣ. Люди дрались и рѣзались дня три сряду, какъ тигры, какъ разъяренные Испанскіе быки; кровь лилась, дома горѣли, улицы наполнялись трупами, и никто не зналъ, о чемъ идетъ дѣло...“

— „Ахъ, славно!... вотъ славно!... вотъ прекрасно!“ воскликнулъ Сатана, потирая руки отъ радости. „Что жъ далѣе?“

— „На четвертый день, я примирилъ ихъ на томъ условіи, что царь будетъ у нихъ государемъ, а народъ царемъ...“

— „Какъ?... какъ?...“

— „На томъ условіи, Ваша Мрачность, что царь будетъ государемъ, а народъ царемъ.“

— „Что это за чепуха?... Я такого условія не понимаю.“

— „И я тоже. И никто его не понимает. Однако, люди приняли его съ восхищеніемъ.“

— „Но въ немъ нѣтъ ни капли смысла.“

— „Потому-то оно и замысловато.“

— „Быть не можетъ!“

— „Клянусь проклятѣйшимъ хвостомъ Вашей Мрачности.“

— „Что жъ изъ этого выйдетъ?“

— „Вышла прекрасная штука. Этою сдѣлкой, я такъ запуталъ дураковъ людей, что они теперь ходятъ какъ опьянѣвшіе, какъ шальные....“

— „Но мнѣ какая отъ того польза? Лучше бы ты оставилъ ихъ драться долѣ.“

— „Напротивъ того, польза очевидна. Подравшись, они перестали бѣ драться, между тѣмъ какъ, на основаніи этой сдѣлки, они будутъ ссориться ежедневно, будутъ непрестанно убивать, душиить, разстрѣливать и истреблять другъ друга, доколѣ царь или народъ не сдѣлаются полнымъ Царемъ и Государемъ. Ваша Мрачность будете отъ сего получать ежегодно вѣрнаго дохода по крайней мѣрѣ 40,000 погибшихъ душъ.“

— „Вене!“ воскликнулъ Сатана и, отъ удовольствія, нюхнулъ въ одинъ разъ три четверти и два четверика желѣзныхъ опилокъ, вмѣсто табаку. „Что жъ далѣе?“

— „Далѣе, Ваша Мрачность, есть въ одномъ мѣстѣ, на землѣ, нѣкоторый безымянный народъ, живущій при большомъ болотѣ, который съ другимъ, весьма извѣстнымъ народомъ, живущимъ въ болотѣ, составлялъ одно цѣлое. Не знаю, слышали ли вы когда нибудь про этотъ народъ, или нѣтъ?“

— „Право, не помню. А чѣмъ онъ занимается, этотъ безымянный народъ?“

— „Прежде онъ кралъ книги у другихъ народовъ, и перепечатывалъ ихъ у себя; также дѣлалъ превосходныя кружева и блонды, и былъ намъ, чертямъ, весьма полезенъ, ибо, за его кружева и блонды, множество прекрасныхъ женщинъ предавались въ наши руки. Теперь онъ ничего не дѣлаетъ: разорился, обѣднѣлъ, и не въ прокъ ни пону ни чорту: только мелеть вздоръ и сочиняетъ газеты, которыхъ никто читать не хочетъ.“

— „Нѣтъ, никогда не слыхалъ я о такомъ народѣ?...“ примолвилъ Сатана и.... чихъ!... громко чихнулъ на весь адъ. Всѣ проклятые тихо закричали: ура!!!... а въ Брюссельскихъ газетахъ на другой день было напечатано, что Голландцы ночью подѣхали подъ Брюссель и выстрѣлили вдругъ изъ двухъ сотъ пушекъ.“

— „Этотъ приболотный народъ,“ продолжалъ чортъ мятежей, жилъ нѣкоторое время довольно дружно съ упомянутымъ народомъ болотнымъ; но я разсорилъ ихъ между собою и, изъ приболотнаго народа, сдѣлалъ особое приболотное царство, въ которомъ тоже положилъ правиломъ, чтобы неизвѣстно было, кто царь, а кто государь. Въ слѣдствіе сего, Ваша Мрачность, можете надѣяться оттуда еще на 10,000 погибшихъ годоваго дохода.“

— „Gut!“ сказалъ Сатана. „Что жь далѣе?“

— „Потомъ, я пошевелилъ еще одинъ народъ, жившій благополучно на сыпучихъ пескахъ по обѣимъ сторонамъ одной большой сѣверной рѣки. Вотъ ужь былъ истинно забавный случай! Никогда еще не удавалось мнѣ такъ славно надуть людей, какъ въ этомъ дѣлѣ: да, правду сказать, никогда и не попадался мнѣ народъ такъ легковѣрный. Я такъ искусно настроилъ ихъ, такъ вскружилъ имъ голову, запуталъ всеъ понятія, что они дрались какъ сумасшедшіе въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцовъ, гибли, погибли, и теперь еще не могутъ дать себѣ отчета, за что дрались и чего хотѣли. При сей okazji, я имѣлъ счастье доставить вамъ слишкомъ 100,000 самыхъ отчаянныхъ проклятыхъ.“

— „Барзо добже!“ примолвилъ Сатана, который собаку съѣлъ на всехъ языкахъ. „Что же далѣе?“

— „Послѣ этихъ трехъ *достолавныхъ* революцій, я удалился въ Парижъ, главную мою квартиру, и, отъ скуки, написалъ ученое Разсужденіе: *О верховной власти сапожниковъ, поденщиковъ, извоицковъ, наборщиковъ, нищихъ, бродягъ и проч.*, которое желаю имѣть честь посвятить Вашей Мрачности.“

— „Посвети его своему пріятелю, человѣку обоихъ свѣтовъ,“ возразилъ Сатана съ суровымъ лицомъ. „Мнѣ не нужно твоего сочиненія: желаю знать, чѣмъ кончилась та революція, которую затѣялъ ты гдѣ-то на пескахъ, надъ рѣкою, на Сѣверѣ.“

— „Ничѣмъ, Ваша Мрачность. Она кончилась тѣмъ, что насъ разбили и разогнали, и что, въ замѣшательствѣ, брадатый казакъ, который вовсе не знаетъ толку въ *достолавныхъ* революціяхъ, кольнулъ меня жестоко à posteriori, какъ вы сами лично изволили свидѣтельствовать.“

— „Что же далѣе?“

— „Далѣе ничего,“ Мрачнѣйшій Сатана. Теперь я увѣчный, инвалидъ, и пришелъ проситься у Вашей Нечистой Силы въ отпускъ за границу на шесть мѣсяцовъ, къ теплымъ водамъ, для излеченія раны....“

— „Отпуска не получишь,“ вскричалъ страшный повелитель чертей: „во-первыхъ, ты его не достоинъ, а во-вторыхъ, ты мнѣ нуженъ: дѣла дипломатическія, говорятъ, все еще весьма запутаны. Но возвратимся къ твоей части. Ты разсказалъ мнѣ только о трехъ революціяхъ: куда же дѣвались остальные? Ты еще недавно хвасталъ, будто въ одной Германіи завелъ ихъ нять или шесть.“

— „Не удались, Ваша Мрачность.“

— „Какъ не удались?“

— „Что жь мнѣ дѣлать съ Нѣмцами, когда ихъ расшевелить невозможно!... Извольте видѣть: вотъ и теперь есть у меня съ собою нѣсколько десятковъ Нѣмецкихъ возмутительныхъ прокламацій, рѣчей, произнесенныхъ въ Гамбахѣ, и полныхъ экземпляровъ газеты Die deutsche Tribune. Я раскидываю ихъ по всей Германіи, но Нѣмцы читаютъ ихъ съ такимъ же отчаяннымъ хладнокровіемъ, съ какимъ пьютъ они пиво со

льдомъ и танцуютъ вальсъ подъ музыку: Mein lieber Augustin!... Нѣсколько сумасшедшихъ Студентовъ и Докторовъ Правъ безъ пропитанія кричатъ, проповѣдуютъ, мечутся; но это не производитъ ни какого дѣйствія въ народѣ. Мнѣ ужъ эти Нѣмцы надоѣли: увѣрю Вашу Мрачность, что изъ нихъ никогда ничего не выйдетъ. Даже и проклятые изъ нихъ не надежны: они холодны до такой степени, что вамъ всеми огнями ада и разогрѣть ихъ не удастся, не то чтобъ сжарить, какъ слѣдуетъ.“

— „Что же ты сдѣлалъ въ Италіи?“

— „Ничего не сдѣлалъ.“

— „Какъ, ничего!... когда я приказалъ всего болѣе дѣйствовать въ Италіи, и даже обѣщалъ щепотку табаку, если успеешь перевернуть вверхъ ногами Папскія владѣнія.“

— „Вы приказали, и я дѣйствовалъ. Но Италіяны настоящія бабы. Въ началѣ сего года, учредилъ я между ними прекрасный заговоръ: они поклялись, что отвагою и мятежническими доблестями превзойдутъ древнихъ Римлянъ, и я имѣлъ причину ожидать полного успѣха, какъ вдругъ, ночью, Ваша Мрачность изволили слишкомъ громко... съ позволенія сказать... кашльнуть, что ли?.., такъ, что земля малѣнько потряслась надъ вашею спальнею. Мои герои, испугавшись землетрясенія, побѣжали къ своимъ капуцинамъ, и высказали имъ на исповѣди весь нашъ заговоръ, — и всѣ были посажены въ тюрьму. Я самъ находился въ ужасной опасности, и едва успѣлъ спасти жизнь: какой-то капуцинъ гнался за мною, съ кропиломъ въ рукѣ, черезъ всю Болонію. Къ Риму подходить я не смѣю: вамъ извѣстно, что еще въ V вѣкѣ заключень съ нами договоръ, подлинная грамота коего, писанная на бычачей шкурѣ, хранится понынѣ въ Ватиканской Библіотекѣ между тайными рукописями: этимъ договоромъ черти обязались не приближаться къ стѣнамъ Рима на десять миль кругомъ...“

— „У тебя на все своя отговорка,“ возразилъ недовольный Сатана: „по твоей лѣности, выходитъ, что въ нынѣшнее время одни лишь черти будутъ свято соблюдать договоры. Ну, что въ Англіи?“

— „Покаместъ, ничего; но будетъ, будетъ!... Теперь прошелъ билль о реформѣ, и я вамъ обѣщаю, что лѣтъ черезъ нѣсколько подниму вамъ въ томъ краю чудесную бурю. Только потерпите немножко!...“

— „И такъ, теперь рѣшительно нѣтъ у тебя ни одной революціи?“

— „Рѣшительно ни одной, Ваша Мрачность! кромѣ нѣсколькихъ текущихъ мятежей и бунтовъ по уздамъ въ конституціонныхъ Государствахъ, гдѣ это въ порядкѣ вещей и необходимо для удостовѣренія людей, что они дѣйствительно пользуются свободою, то есть, что они безпрепятственно могутъ разбивать другъ другу головы во всякое время года.“

— „Однако, любезный Астаротъ, я увѣренъ, что ежели ты захочешь, то все можешь сдѣлать,“ присовокупилъ царь чертей. „Постарайся, голубчикъ! пошевелись, похлопочи...“

— „Стараюсь, бѣгаю, хлопочу, Ваша Мрачность! но трудно: времена перемѣнились.“

— „Отъ чего же, такъ, перемѣнились?“

— „Отъ того, что люди не слишкомъ стали мнѣ вѣрить.“

— „Люди не стали тебѣ вѣрить?...“ воскликнулъ изумленный Сатана. „Какъ же это случилось?“

— „Я слишкомъ долго обманывалъ ихъ обѣщаніями блистательной будущности, богатства, благоденствія, свободы, тишины и порядка, а изъ моихъ революцій, конституцій, камеръ и бюджетовъ вышли только гоненія, тюрьмы, нищета и разрушеніе. Теперь ихъ не такъ легко надуешь: они сдѣлались чрезвычайно умны.“

— „Молчи, дуракъ!“ заревѣлъ Сатана страшнымъ голосомъ. „Какъ ты смѣешь лгать предо мною такъ безсовѣстно? Будто я не знаю, что люди никогда не будутъ умными?...“

— „Однако, увѣряю Вашу Мрачность....“

— „Молчи!...“ —

Чортъ мятежей, по врожденной наглости, хотѣлъ еще отвѣчать Сатанѣ, какъ тотъ, въ ужасномъ гнѣвѣ, соскочилъ съ своего сѣдалища и бросился къ нему, съ пылающимъ взоромъ, съ разинутую пастью, съ распростертыми когтями, какъ будто готовясь растерзать его.

Астаротъ бѣжать! — Сатана за нимъ!

Проклятые, со страха, стали прятаться въ диркахъ и расщелинахъ, влезать на карнизы, искать убѣжища на потолокъ. Суматоха была ужасная, какъ во Французской Камерѣ Депутатовъ при совѣщаніяхъ о водвореніи внутренняго порядка или о всеобщемъ мирѣ.

Сатана гонялся за Астаротомъ по всей залѣ; по Оберъ-Предсѣдатель революцій, истинно съ чертовскою ловкостью, всегда успѣвалъ ускользнуть у него, почти изъ рукъ. Это продолжалось нѣсколько минутъ, въ теченіе коихъ они пробѣжали другъ за другомъ 2000 верстъ, въ разныхъ направленіяхъ. Наконецъ повелитель ада поймалъ коварнаго министра своего за хвостъ.

Поймавъ и держа за конецъ хвоста, онъ поднялъ его на воздухъ и сказалъ, съ адекою насмѣшкой:

— „А!... ты толкуешь мнѣ объ умѣ людей!... Постой же, негодяй!... Смотри, чтобы немедленно произвелъ мнѣ гдѣ нибудь между ними революцію, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ: иначе, я тебя!... quos ego!... какъ говоритъ Виргилій....“ —

И, въ иылу классической угрозы, повертѣвъ имъ нѣсколько разъ надъ своею головою, онъ бросилъ его вверхъ со всего размаху.

Бѣдный чортъ мятежей, пробивъ собою сводъ ада, вылетѣлъ въ надземный воздухъ, и нѣсколько часовъ сряду летѣлъ въ немъ какъ бомба, брошенная изъ большой Перкинсовой мортиры. Астрономы направили въ него свои телескопы и, примѣтивъ у

него хвостъ, приняли его за комету: они тотчасъ исчислили, во сколько времени совершить она путь свой около солнца и, для успокоенія умовъ слабыхъ и суевѣрныхъ, издали ученое разсужденіе, говоря: „Не бойтесь! это не чортъ, а комета.“—Г. Е***

напечатать въ Сѣверной Пчелѣ, что хотя это, можетъ статься, и не комета, а чортъ, но онъ не упадетъ на землю: напротивъ того, онъ сдѣлается луною, какъ то уже предсказано имъ назадъ тому лѣтъ двадцать.—Теперь, послѣ изобрѣтенія Фрауенгоферова телескопа, и летучая мышь не укроется въ воздухѣ отъ Астрономовъ: они всѣхъ ихъ произведутъ въ небесныя свѣтила.

Между тѣмъ, чортъ мятежей летѣлъ, летѣлъ, летѣлъ, и упалъ на землю, съ трескомъ и шумомъ,—въ самомъ центрѣ Парижа. Но черти, какъ кошки: паденія имъ не вредны. Астаротъ мигомъ приподнялся, оправился и немедленно сталъ кричать во все горло: „Долой Министровъ!—Долой Короля!—Да здравствуетъ свобода!—Вивать Республика!—Вивать Лафайетъ!—Ура Наполеонъ II!“—сталъ бросать въ окна камнями и бутылками, коими были наполнены его карманы; сталъ бить фонари и стрѣлять изъ пистолетовъ, — и въ одно мгновеніе вспыхнулъ ужасный бунтъ въ Парижѣ.

Сатана, выбросивъ Астарота на землю, важно возвратился къ своему престолу, возсѣлъ, выпыхался, понюхалъ опилокъ и сказалъ:—„Видишь, какой бездѣльникъ!.... Чтобъ ничего не дѣлать, онъ вздумалъ воспѣвать предо мною похвалы уму человѣческому!... Покорно прошу сказать, когда этотъ прославленный умъ былъ сильнѣе нашего искушенія?... Люди всегда будутъ люди. Охъ, эти любезные, дорогіе люди!... они на то лишь и годятся что ко мнѣ въ проклятыя.... Кто теперь слѣдуетъ къ докладу?“—

Представьте себѣ чертѣнка, — вѣдь вы чертей видали? — представьте себѣ чертѣнка, ростомъ съ обыкновеннаго Губернскаго Секретаря, 2 аршина и $\frac{1}{2}$ вершка; съ пѣтушьимъ носомъ, съ собачьимъ челомъ, съ торчащими ушами, съ рогами, съ клыками, съ когтями и съ длиннымъ хвостомъ; одѣтаго—какъ всегда одѣваются черти!—одѣтаго по Нѣмецки, въ чулкахъ, сшитыхъ изъ старыхъ газетъ, въ штанахъ изъ старыхъ газетъ, въ длинномъ фракѣ изъ старыхъ газетъ, съ высокимъ, аршинъ въ девять, остроконечнымъ колпакомъ на головѣ, склееннымъ изъ журнальныхъ корректуръ въ видѣ огромнаго шпнца, на верхушкѣ коего стоитъ бумажный флюгерокъ, вертящійся на деревянномъ прутикѣ и показывающій откуда дуетъ вѣтеръ, — и вы будете имѣть понятіе о забавномъ лицѣ и форменномъ нарядѣ пресловутаго Бубантуса, перваго Лорда Діавола Журналистики въ службѣ Его Мрачности.

Бубантусъ большой любимецъ повелителя ада: онъ исправляетъ при немъ двойную

должность, придворнаго клеветника и издателя ежедневной газеты, выходящей однажды въ нѣсколько мѣсяцовъ, подъ заглавіемъ: „Лгунъ изъ лгуновъ“. Въ аду, это оффиціальная газета: въ ней, для удовлетворенія любопытству царя тмы, помѣщаются одни только извѣстія неосновательныя, ибо основательныя онъ находитъ слишкомъ глупыми и недостойными его вниманія. И дѣльно!...

Съ совиннымъ перомъ за ухомъ, съ чернымъ портфелемъ подъ мышкою, весь запачканный желчію и чернилами, подошелъ онъ къ сѣдалищу суроваго обладателя подземнаго царства, и остановился: остановился, поклонился, сдѣлалъ пируэтъ на одной ногѣ, и опять поклонился и сказалъ:

— „Имѣю честь рекомендоваться!...“

Сатана примолвилъ:

— „Любезный Бубантушка, начинай скорѣе свой докладъ: только говори коротко и умно, потому, что я сердить и скучаю...“ —

И онъ зѣвнулъ ужасно, раскрывъ ротъ шире жерла горы Везувія: дымъ и пламя заклубились изъ его горла.

— „Мой докладъ сочиненъ на бумагѣ,“ отвѣчалъ нечистый духъ Журналистики. „Какъ Вашей Мрачности угодно его слышать: романтически, или классически?... то есть, снизу вверхъ, или сверху внизъ?“

— „Слушаю снизу вверхъ,“ сказалъ Сатана. „Я люблю романтизмъ: тамъ все темно и страшно, и всякое третіе слово бываетъ непременно *мракъ* или *мрачный*: это по моей части.“ —

Бубантусъ началъ приготовляться къ чтенію. Сатана присовокупилъ:

— „Садись, мой дорогой Бубантусъ, чтобъ тебѣ было удобнѣе читать.“ —

Бубантусъ оборотился къ нему задомъ и поклонился въ поясъ: подъ землю, это принятый и самый вѣжливый образъ изъявленія благодарности за приглашеніе садиться. Онъ окинулъ взоромъ залу и, нигдѣ не видя стула, снялъ съ головы свой бумажный, шпигеобразный колпакъ, поставилъ его на полу, присѣлъ, сжался, прыгнулъ на десять аршинъ вверхъ, вскочилъ и сѣлъ на самомъ флюгеркѣ его; сѣлъ удивительно ловко, — ибо вдругъ попалъ онъ своимъ rectum на конецъ прутика и воткнулся на него ровно, крѣпко и удобно, — принялъ важный видъ, вынулъ изъ портфеля бумагу, обернулъ ее вверхъ ногами, чихнулъ, свиснулъ и приступилъ къ чтенію съ конца, на романтическій манеръ:

„и-проч., и-проч., слую покорнѣйшимъ вашимъ пребыть честь Имѣю. „невозможно людьми управлять иначе...“

— И-проч., и проч.!...“ воскликнулъ Сатана, прерывая чтеніе. „Визирь, слышалъ ли ты это начало? И-проч., и-проч.!... Нашъ Бубантусъ, право, мастеръ сочинять. Доселѣ статьи романтическія обыкновенно начинались съ *И*, съ *Ибо*, съ *Однако жъ*; но никто еще не началъ такъ смѣло, какъ онъ, съ *и-проч.* Романтизмъ — славное изобрѣтеніе!“

— „Удивительное, Ваша Мрачность,“ отвѣчалъ Визирь, кланяясь.

— „На будущее время я не иначе буду говорить съ тобою о дѣлахъ, какъ романтически, то есть, наоборотъ.“

— „Слушаю, Ваша Мрачность!“ примолвилъ Визирь: „это будетъ гораздо вразумительнѣе. Въ самомъ дѣлѣ, истинно адекія понятія ни какимъ другимъ слогомъ не могутъ быть выражаемы такъ сильно и удобно, какъ романтическимъ.“

— „Какъ мы прежде того не догадались?“ сказалъ царь чертей. „Я, вѣроятно, всегда любилъ романтизмъ?...“

— „Ваша Мрачность всегда имѣли вкусъ тонкій и чертовскій.“

— „Читай,“ сказалъ Сатана, обращаясь къ злему-духу журналистики: „но повтори и то, что прочиталъ: мнѣ твой слогъ очень нравится.“—

Бубантусъ повторилъ:

„и-проч., и-проч., слугою покорнѣйшимъ вашимъ пребыть честь Имью...“

— „Какъ!... только слугою?“ прервалъ опять Сатана: „ты въ тотъ разъ читалъ умнѣе.“

— „Только слугою, Ваша Мрачность,“ возразилъ чортъ Журналовъ: „я и прежде читалъ слугою, и теперь такъ читаю. Я не могу болѣе подписываться *вашимъ вѣрно-подданнымъ*.“

— „Почему?“

— „Потому, что мы, въ Парижѣ, торжественно протестовали противъ этого слова, почти во всѣхъ журналахъ: оно слишиомъ классическое, мифологическое, Гре-чское, феодальное....“

— „Полно, такъ ли, братецъ?“

— „Точно такъ, Ваша Мрачность! Со времени учрежденія въ Западной Европѣ самодержавія чернаго народа, всѣ люди цари: такъ говорить Г. Могенъ. Я даже намѣренъ заставить предложить въ слѣдующее собраніе Французскихъ Палатъ, чтобы впередъ всѣ частныя лица подписывались: *Имью честь быть вашимъ милостивымъ гсударемъ*, а одинъ только Король писался бы *покорнѣйшимъ слугою*.“

— „Странно!...“ воскликнулъ Сатана, съ весьма недовольнымъ видомъ. „Неужели все это романтизмъ!“

— „Самый чистый романтизмъ, Ваша Мрачность. Въ романтизмѣ главное правило, чтобы все было странно и наоборотъ.“

— „Продолжай!“

Бубантусъ продолжалъ:

„невозможно людьми управлять иначе: взыскушеніе вводитъ и обѣщаніями „живыми увлекать, дерзостью изумлять, искусно ихъ надуть умнѣе надобно, „изволите сіе знать Мрачность Ваша какъ въ дуракахъ остались совершенно „они чтобъ, стараясь, ибо;....“

— „Стой! закричалъ Сатана, и глаза у него засверкали, какъ двѣ молніи.

„Стой!... полно! Ты самъ останешься у меня въ дуракахъ. Какъ ты смѣешь говорить, что моя Мрачность....? Не хочу я болѣе твоего романтизма. Читай мнѣ классически, сверху внизъ.“

— „Но здѣсь дѣло идетъ не о Вашей Мрачности, а о людяхъ,“ возразилъ испуганный чертенокъ. „Слогъ романтической имѣетъ то свойство, что надъ великимъ періодомъ надобно крѣпко призадуматься, пока постигнешь смыслъ онаго, буде таковой налицо въ ономъ имѣется.“

— „А я думать не хочу!“ сказалъ грозный обладатель ада: „начто мнѣ эта бѣда?... Я вашего романтизма не понимаю. Это сущій вздоръ: не правда ли, мой Верховный Визирь?“

— „Совершенная правда!“ отвѣчалъ Вельзевуѣ, кланаясь. „Слыханное ли дѣло, читая думать?...“

— „Сверхъ того,“ присовокупилъ царь чертей: „я примѣчаю въ этомъ слогѣ выраженія чрезвычайно дерзкія, неучтивыя, которыхъ никогда не встрѣчалъ я въ прежней классической прозѣ, гладкой, тихой, покорной, низкопоклонной....“

— „Безъ сомнѣнія!“ подтвердилъ Визирь. „Романтизмъ есть слогъ мотовъ, буйновъ, мятежниковъ, лунатиковъ, и для такихъ большихъ вельможъ, какъ вы, слогъ классической гораздо удобнѣе и приличнѣе: по крайней мѣрѣ, онъ не утруждаетъ головы и не пугаетъ воображенія.“

— „Мой Верховный Визирь разсуждаетъ очень здраво,“ сказалъ Сатана съ важною: „я большой вельможа. Читай мнѣ классически, не утруждая моей головы и не пугая моего воображенія.“ —

Бубантусъ, обернувъ бумагу назадъ, сталъ читать сначала:

„ДОКЛАДЪ.

„Мрачнѣйшій Сатана!

„Имѣю честь донести Вашей Нечистой Силѣ, что, стараясь распространять болѣе „и болѣе владычество ваше между родомъ человѣческимъ, для удобнѣйшаго запутанія „означеннаго рода въ наши тенеты, подвѣдомыхъ мнѣ журналистовъ раздѣлилъ я на „всей землѣ на классы и виды, и каждому изъ нихъ предписалъ особенное направленіе. „Въ одной Франціи учредилъ я четыре класса журналописцевъ, не считая пятаго. „Первый классъ названъ мною журналистами движенія, второй журналистами сопротивленія, третій журналистами уклоненія, четвертый журналистами возвращенія. „Пятый именуется среднею серединою. Одни изъ нихъ тащутъ умы впередъ, другіе „тащутъ ихъ назадъ; тѣ тащутъ направо, тѣ налѣво, тогда какъ послѣдователи средней середины увертываются между ними, какъ безхвостая лиса, — и всѣ кричатъ, и „всѣ шумятъ, всѣ вопіютъ, ругаютъ, страшатъ, бѣсятся, грозятъ, льстятъ, клеветаютъ, общаются; всѣ предвѣщаютъ и проповѣдуютъ бунты, мятежи, бѣдствія, кровь,

„пожаръ, слезы, разореніе: только слушай, да лобуйся! Читатели въ ужасѣ, не знаютъ
„что думать, не знаютъ чему вѣрить и за что приняться: они ежечасно ожидаютъ
„гибельныхъ происшествій, бѣгаютъ, суетятся, укладываютъ вещи, прячутъ пожитки,
„заряжаютъ ружья, хотятъ уйти и хотятъ защищаться, и не разберутъ кто врагъ, а
„кто пріятель, на кого нападать и кого покровительствовать; днемъ они не докуши-
„ваютъ обѣда, ввечеру боятся искать развлеченій, ночью внезапно вскакиваютъ съ
„постели: однимъ словомъ, безпорядокъ, суматоха, буря умовъ, волненіе надеждъ и
„желаній, вьюга страстей, грозная, неслышанная, ужасная,—и все это по милости га-
„зетъ и журналовъ, мною созданныхъ и руководимыхъ!

„Не хвастая, Ваша Мрачность, я одинъ болѣе проложилъ людямъ путей къ па-
„губѣ, чѣмъ все прочіе мои товарищи. Я удвоилъ общую массу грѣха. Прежде люди
„грѣшили только по старинному, краткому списку грѣхамъ; теперь они грѣшатъ еще
„по журналамъ и газетамъ: по нимъ лгутъ, крадутъ, убиваютъ, плутуютъ, святотат-
„ствуютъ; по нимъ живутъ и гибнутъ въ безчестіи. Мои большіе печатные листы без-
„прерывно колятъ ихъ въ бокъ, жгутъ въ самое сердце, рвутъ тѣла ихъ клещами
„страстей, тормозятъ умы ихъ общаніями блеска и славы, какъ собаки кусокъ ста-
„рой подошвы; подстрекаютъ ихъ противъ всехъ и всего, прельщаютъ и, среди прель-
„щенія, забрызгиваютъ имъ глаза грязью: возбуждаютъ въ нихъ дѣятельность и,
„возбудивъ, не даютъ имъ ни ѣсть, ни спать, ни работать, ни заниматься выгод-
„ными предпріятіями. Симъ-то образомъ, создавъ, посредствомъ моихъ листовъ,
„особую стихію политическаго мечтательства, — стихію горькую, язвительную, паля-
„щую, наводящую опьяненіе и бѣшенство, — я отторгнулъ миллионы людей отъ мир-
„ныхъ и полезныхъ занятій, и бросилъ ихъ въ пучины сей стихіи: они въ ней поги-
„бнуть, но они уже увлекли съ собою въ пропасть цѣлыя поколѣнія, и еще увлекутъ
„многія.

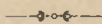
„Коротко сказать, при помощи сихъ ничтожныхъ листовъ, я содержу все въ пол-
„номъ смятеніи, заказываю мятежи на извѣстные дни и часы, ниспровергаю власти,
„передѣлываю законы по своему вкусу, и самодержавно управляю огромнымъ участкомъ
„Земнаго шара, Францію, Англію, частью Германію, Остъ-Индію, Островами и цѣлою
„Америкю. Если Ваша Мрачность желаете видѣть на опытѣ, до какой степени совер-
„шенства довелъ я на землѣ адское могущество журналистики, да позволено мнѣ бу-
„детъ выписать изъ Франціи, Англіи и Баваріи пятерыхъ журналистовъ и учредить
„здѣсь, подъ Землею, пять политическихъ газетъ: ручаюсь моимъ хвостомъ, что, чрезъ
„три мѣсяца, такую произведу вамъ суматоху между проклятыми, что вы будете при-
„нуждены объявить весь адъ состоящимъ въ осадномъ положеніи; Вашей же Мрачности
„велю сыграть такую пронзительную серенаду на кострюляхъ, котлахъ, блюдахъ, во-
„лынкахъ и самоварахъ,—гдѣ вамъ угодно, хоть и подъ вашею кроватію,—какой ни
„одинъ членъ средней середины....“

— „Ахъ, ты, негодяй!...“ закричалъ Сатана громовымъ голосомъ, и—хлопъ!—

отвѣсилъ ему жестокой щелчокъ по носу,—щелчокъ, отъ котораго краснорѣчивый Бубантусъ, сидящій на колпакѣ, на концѣ прутика, поддерживающаго флюгеръ, вдругъ сталъ вертѣться на немъ съ такою быстротою, что, подобно приведенной въ движеніе шпулѣ, онъ образовалъ собою только видъ жужжащаго, дрожащаго, полупрозрачнаго шара. И онъ вертѣлся такимъ образомъ цѣлую недѣлю, дѣлая на своемъ полюсѣ по 666 поворотовъ на минуту,—ибо сила щелчка Сатаны, въ сравненіи съ нашими паровыми машинами, равна силѣ 1738 лошадей и 1 жеребенка.

— „Странное дѣло,“ сказалъ Сатана Визирю своему, Вельзевуѳу: „какъ они теперь пишутъ!... Читай, какъ угодно, сверху внизъ или снизу вверхъ, классически или романтически: все выйдетъ та же глупость или дерзость!... Впрочемъ, Бубантусъ добрый злой-духъ: онъ служитъ мнѣ усердно и хорошо искушаетъ; но, живя въ обществѣ журналистовъ, онъ сдѣлался немножко либераломъ, наглымъ, и забываетъ должное мнѣ благоговѣніе. Въ наказаніе, пусть его пэмелетъ задомъ.... Позови Чорта Словесности къ докладу.“ —

Визирь кивнулъ рогомъ, и Великій Чортъ Словесности явился.

Онъ не похожъ на другихъ чертей: онъ чортъ хорошо воспитанный, хорошаго тона; высокій, тонкій, сухощавый, черный,—очень черный,—и очень блѣдный: страдаетъ модною болѣзною, гастритомъ, и лице имѣетъ оправленное въ круглую рамку изъ густыхъ бакенбардъ. Онъ носитъ желтыя перчатки; на шеѣ у него бѣлый атласный галстухъ. Не взирая на присутствіе Сатаны, онъ беззаботно напѣвалъ себѣ сквозь зубы арію изъ Фрейшина и хвостомъ выколачивалъ тактъ по полу. Онъ имѣлъ видъ франта, и еще ученаго франта. Съ перваго взгляда узнали бы въ немъ романтика. Но онъ романтикъ не журнальный, не такой какъ Бубантусъ; а романтикъ высшаго разряда, въ четырехъ томахъ, съ прологомъ, съ эпилогомъ и Англійскою виньеткою.

— „Здоровъ ли ты, чортъ, Точкоставъ?“ сказалъ ему Сатана.

— „!...!!... Слуга покорнѣйшій...!!!.?...!!! Вашей Адской Мрачности!!!!!!...!“

— „Давно мы съ тобою не видались.“

— „Увы!...!!!.??.?!.!!!!!!...! я страдалъ...!!!... я жестоко страдалъ!!!!!!...!!!.? Мрачная влажность проникла въ стѣны души моей; гробовая сырость ея вторгнулась, какъ измѣна, въ мой мозгъ, и мое воображеніе, вися неподвижно въ семь тяжеломъ, мокромъ, холодномъ туманѣ болѣзненности, мерцало только свѣтомъ слабымъ, блѣднымъ, дрожащимъ, неровно мелькающимъ, похожимъ на ужасную улыбку рока, поразившаго острою свою добычу,—оно мерцало свѣтомъ лампы, внесенной рукою гонимаго въ убійственный воздухъ пещеры ужаса и смрада, заваленной гніющими трупами и хохочущими оставами...“

— „Что это значитъ?“ воскликнулъ изумленный Сатана.

— „Это значить??...!!!...?..!!!!!!..!.. это значить, что у меня был насморкъ,“ отвѣчалъ Точкоставъ.

— „Ахъ, ты, сумасбродъ!“ вскричалъ царь чертей съ нетерпѣніемъ. „Перестанешь ли ты когда нибудь, или нѣтъ, морочить меня своимъ отвратительнымъ пусто-словіемъ и говорить со мною точками, да этими кучами знаковъ вопросительныхъ и восклицательныхъ?... Я уже нѣсколько разъ сказывалъ тебѣ, что терпѣть ихъ не могу; но теперь, для вящей безопасности отъ скуки и рвоты, рѣшаюсь принять въ отношеніи къ вамъ общую, великую, государственную мѣру....“

— „Что такое?...“ спросилъ встревоженный чортъ.

— „Я отмѣняю,“ продолжалъ Сатана, „уничтожаю формально и навсегда, въ моихъ владѣніяхъ, весь романтизмъ и весь классицизмъ, потому, что какъ тотъ, такъ и другой, сущая безмыслица.“

— „Какъ же теперь будетъ?...“ спросилъ нечистый духъ Словесности: „какимъ слогомъ будемъ мы разговаривать съ Вашею Мрачностью?... Мы умѣемъ только говорить классически или романтически.“

— „А я не хочу знать ни того, ни другаго!“ примолвилъ Сатана съ суровымъ видомъ. „Оба эти рода смѣшны, ни съ чѣмъ несообразны, безвкусны, уродливы, ложны,— ложны, какъ самъ чортъ!— Понимаешь ли?... И ежели въ томъ дѣло, то я самъ, моею властію, предпину вамъ новый родъ и новую школу Словесности: впередъ имѣете вы говорить и писать, не классически, не романтически, а шарбалаамбарабурически.“

— „Шарбалаамбарабурически?...“ сказалъ чортъ.

— „Да, шарбалаамбарабурически,“ присовокупилъ Сатана: „то есть, писать *дѣльно*.“

— „Писать дѣльно?...“ воскликнулъ Великій Чортъ Словесности, въ совершенномъ остолбененіи. „Писать дѣльно!... Но мы, Ваша Мрачность, умѣемъ только писать классически или романтически.“

— „Писать дѣльно, говорятъ тебѣ!“ повторилъ Сатана съ гнѣвомъ. „Дѣльно, то есть, здраво, просто, естественно, сильно безъ натяжекъ, ново безъ труповъ, палачей и шарлатанства, пріятно безъ причесанныхъ à-la-Titus періодовъ и одѣтыхъ въ риторическій парикъ оборотовъ, разнообразно безъ Греческой Мифологіи и безъ Шекспирова чернокожія, умно безъ старинныхъ антитезъ и безъ нынѣшняго плутовства въ словахъ и мысляхъ. Понимаешь ли?... Я такъ приказываю: это моя выдумка.“

— „Писать здраво, просто, умно, разнообразно!...“ повторилъ съ своей стороны нечистый духъ Словесности, въ жестокомъ смятеніи. „У Вашей Мрачности всегда бываютъ какія-то чертовскія выдумки. Мы умѣемъ только писать классически или ром...“

— „Слышалъ ли ты мою волю, или нѣтъ?“

— „Слышалъ, Ваша Мрачность; но она неудобоисполнима.“

— „Почему?...“

— „Потому, что, я и подвѣдомые мнѣ Словесники, умѣемъ излагать наши мысли

только классически или романтически, то есть, по одному изъ двухъ готовыхъ образцовъ, по одной изъ двухъ давно извѣстныхъ, опредѣленныхъ системъ: писать же такъ, чтобъ это не было ни *смуа* по-Аѳински, ни *сдурна* по-Староанглійски, — того на землѣ никто исполнить не въ состояніи. Ваша Нечистая Сила полагаете, что у людей такое же адское соображеніе, какъ у васъ: они, — клянусь грѣхомъ! — умѣютъ только скверно подражать, обезъяничать.... Прежде они подражали старинѣ Греческой, которую утрировали, коверкали безчеловѣчно; теперь, она имъ надоѣла, и я подсунулъ имъ другую пошлую старину, именно Великобританскую, на которую они бросились, какъ бѣшеные, и которую опять стали утрировать и коверкать. Они сами видятъ, что прежде были очень смѣшны; но того не чувствуютъ, что они и теперь очень смѣшны, только другимъ образомъ, и радуются, какъ будто нашли тайну быть совершенно новыми. Притомъ, что пользы для Вашей Мрачности, когда люди станутъ писать умно и дѣльно?”

— „Какъ, что пользы?... Я, по крайней мѣрѣ, не умру отъ скуки, слушая подобныя глупости.“

— „Но владычество ваше на землѣ исчезнетъ.“

— „Отъ чего же такъ?“

— „Отъ того, что когда они начнутъ сочинять дѣльно, о чертяхъ и помину не будетъ. Вѣдь мы притча!...“

— „Ты думаешь?..“

— „Безъ сомнѣнія!... Теперь вы самодержавно господствуете надъ всею Земною Словесностію, вы царствуете во всѣхъ изящныхъ произведеніяхъ ума человѣческаго. Всѣ его творенія дышатъ нечистою силой, всѣ бредятъ діаволомъ. Греческій Олимпъ разрушенъ до основанія: Юпитеръ палъ, и на его престолѣ теперь сидите вы, Мрачнѣйшій Сатана. Я все такъ устроилъ, что смертные писатели воспѣваютъ только адъ, грѣхъ, порокъ и преступленіе....“

— „Неужели?...“ воскликнулъ царь тмы съ удовольствіемъ.

— „Ей, ей, Ваша Мрачность. Главныя пружины нынѣшней поэзіи суть: вмѣсто Венеры, вѣдьма; вмѣсто Аполлона, страшный, засаленный, вонючій Шаманъ; вмѣсто Нимфъ, вампиры: она завалена трупами, черепами, скелетами; изъ каждой ея строки каплетъ гнойная матерія. Проза сдѣлалась настоящею помойною ямой: она толкуетъ только о крови, грязи, разбояхъ, палачахъ, мукахъ, изувѣченіяхъ, чахоткахъ, уродахъ; она представляетъ нищету со всею ея отвратительностію, развратъ со всею его прелестью, преступленіе со всею его мерзостью, мерзость со всею наготою, соблазнъ и ужасъ со всѣми подробностями. Она съ удовольствіемъ разрываетъ могилы, какъ алчная гѣна, и забавляется, швыряя въ проходящихъ вырытыми костями; она ведетъ бѣднаго читателя въ мрачныя гробницы, и, шутя запираетъ его въ гробъ вмѣстѣ съ червивымъ трупомъ; ведетъ въ смрачныя тюрьмы и, также шутя, сажаетъ его на грязной соломѣ, подлѣ изверговъ, разбойниковъ и зажигателей, съ коими поетъ она неистовыя пѣсни;

ведетъ въ домъ распутства и безчестія и, для потѣхи, бросаетъ ему въ лице все откопанна тамъ нечистоты; ведетъ на лобныя мѣста, подставляетъ подъ эшафоты и, въ шутку, обливаетъ его кровію обезглавленныхъ преступниковъ. Она придумываетъ для него новыя страданія, и хохочетъ надъ его страданіями. Она мучитъ его всею, чѣмъ только мучить возможно,—предметомъ, тономъ повѣствованія, слогомъ,—симъ-то слогомъ моего изобрѣтенія, свирѣпымъ, ядовитымъ, убійственнымъ, наглымъ, безстыднымъ, изломаннымъ въ зигзагъ, набитымъ шипами, удушливымъ, утомительнымъ до крайности....“

— „Все это очень хорошо и похвально,“ прервалъ Сатана, „но не прочно. Я знаю, что твой слогъ имѣетъ все эти достоинства; но думаешь ли ты, что читатели долго дозволятъ вамъ мучить ихъ такимъ несноснымъ образомъ? Вѣдь это хуже, чѣмъ у меня въ аду!...“

— „Конечно, не долго,“ отвѣчалъ чортъ Точкоставъ: „но, между тѣмъ, какое удовольствіе, какая отрада, мучить людей порядкомъ, и еще подъ видомъ собственнаго ихъ наслажденія!...“

— „И то дѣло!“ сказалъ Сатана. „Мучь же крѣпко, любезный Точкоставъ, свою романтическую прозою и поэзіею!“

— „Радъ стараться, Ваша Мрачность.“

— „Если у насъ, на землѣ, не достанетъ чернилъ на точки и знаки восклицательные, то обратись ко мнѣ. Мы можемъ удѣлить вамъ полтора или два милліона бочекъ нашего адскаго перегорѣлаго дегтю.“

— „Не премину воспользоваться вашимъ великодушнымъ предложеніемъ.“

— „Что это у тебя въ рукѣ?“

— „Новый Романъ, для Вашей Нечистой Силы, и вчерашнія Парижскія афишки.“

— „Ну, что вчера представляли на театрахъ въ Парижѣ?“

— „Все романтическія пьесы, Ваша Мрачность. На одномъ театрѣ представляли чертей поющихъ, на другомъ чертей пляшущихъ, на третьемъ чертей сражающихся, на четвертомъ висѣлицу, на пятомъ гильотину, на шестомъ мятежъ, на седьмомъ Антони, или прелюбодѣяніе....“

— „Неужели?...“ воскликнулъ Сатана. „Ну, что, какъ, хорошо ли представляли прелюбодѣяніе?“

— „Очень хорошо, Ваша Мрачность; очень натурально.“

— „И это ты выучилъ ихъ всему этому?“

— „Я, Ваша Мрачность.“

— „Хватъ мой Точкоставъ!... Вотъ тебѣ за то фальшивый грошъ на водку. Какой это романъ?“

— „Романъ Жюль-Жанена, подъ заглавіемъ: *Вирнавъ*, произведеніе самое адское....“

— „Поди, поставь его въ моей избранной библіотекѣ. Сегодня я его прочитаю, а завтра съѣмъ, и будетъ ему конецъ.“—

— „Подайте мнѣ трубку,“ сказалъ Сатана.

Султанъ Магометъ II, покоритель Константинополя, исправляетъ при Дворѣ Его Нечистой Силы знаменитую должность *чубукчи-баши*: онъ чиститъ и набиваетъ огромную мѣдную его трубку, сдѣланную изъ отбитой головы баснословнаго Родосскаго колосса. Въ эту трубку обыкновенно кладется цѣлый возъ гнилаго подряднаго сѣна: это любимый табакъ Сатаны, — онъ даже другаго не употребляетъ.

Черти, зная вкусъ своего повелителя, по ночамъ крадутъ для него этотъ табакъ изъ разныхъ Провіантскихъ на землѣ магазиновъ. Отъ этого именно, иногда, происходитъ у людей недочѣтъ въ казенномъ сѣнѣ.

Магометъ II церемоніально поднесъ набитую трубку. Сатана принялъ ее одною рукой, а другую внезапно простеръ въ сторону, и схватилъ ею за голову одного изъ близъ-стоящихъ проклятыхъ, прежде-бывшаго издателя чужихъ сочиненій съ варіантами и своими замѣчаніями, высохшаго какъ листъ бумаги надъ сравненіемъ текстовъ и помѣшавшагося на вопросительномъ знакѣ, поставленномъ въ одной рукописи, по ошибкѣ, вмѣсто точки съ запятою. Онъ смялъ его въ горсти, придвинулъ къ своему носу, и чихнулъ: искры обильно посыпались изъ ноздрей его. Сухой толкователь чужихъ мыслей мгновенно отъ нихъ загорѣлся. Сатана зажегъ имъ трубку; остальную же часть его онъ бросилъ на полъ и загнулъ ногою. Не догорѣвшій кусокъ ученаго словочета представлялъ собою видъ — (;) точки съ запятою!...

Всѣ проклятые были опечалены горестною его судьбою, и поражены жестокимъ своеюравіемъ ихъ обладателя. Но Сатана спокойно курилъ свое сѣно.

— „Не угодно ли вамъ выслушать еще докладъ Главноуправляющаго супружескими дѣлами?“ сказалъ адскій Верховный Визирь.

— „Съ удовольствіемъ!“ отвѣчалъ Сатана: „я люблю соблазнительныя лѣтописи.“

И чортъ супружескихъ дѣлъ явился.

Я не стану описывать его наружности, потому, что три-четверти женатыхъ читателей моихъ лично съ нимъ знакомы; а скажу только, что чортъ Фифи-Кого есть злой-духъ презлой, прековарный, но вмѣстѣ съ тѣмъ очень любезный, — смиренный, покорный, услужливый, какъ иной Столоначальникъ передъ своею Директоршею, — и хитрый, какъ преступная жена, и плутъ хуже всякаго подъячаго, и проворный искушитель, и въ большомъ уваженіи у Сатаны. Онъ-то привелъ во искушеніе первую нашу прародительницу, сообщивъ ей великую тайну всего добраго и всего злаго: въ то время

это была великая тайна; но, въ нашемъ просвѣщенномъ вѣкѣ, даже всѣ горничныя знаютъ ее наизусть и безъ его содѣйствія.

Но гораздо важнѣе то, что онъ знаетъ тайны всѣхъ замужнихъ красавицъ, и самой даже Сатанши. Сатана имѣетъ крѣпкое на него подозрѣніе, но..... по не говорить ни слова: Сатана знаетъ приличія.

— „Что новаго?“ спросилъ черный повелитель: „какъ идутъ дѣла твоей части?“

— „Отмѣнно хорошо, Ваша Мрачность. Часть моя никогда еще не бывала въ столь цвѣтущемъ состояніи, какъ теперь. Въ супружествахъ господствуетъ необыкновенная скука; мужья и жены большею частью сеорятся дважды и трижды въ день; требованія утѣшеній непрестанны.... У меня подлинно голова кружится отъ множества дѣлъ.“

— „Я знаю твою дѣятельность и ревность,“ примолвилъ Сатана важно. „Покажи мнѣ свою табель.“ —

Фифи-Коко подаль ему, на длинномъ листѣ бумаги, табель супружескихъ происшествій, за послѣдній мѣсяць, на всей поверхности Земнаго шара. Сатана, держа трубку въ зубахъ, началъ разсматривать ее съ большимъ вниманіемъ и, при всякой статьѣ, то восклицалъ отъ удовольствія, то отъ радости испускалъ огромные клубы табачнаго дыма ртомъ, носомъ и ушами.—Сколько измѣнъ!... Сколько сеоръ!... Какая пропасть дракъ!“ приговаривалъ онъ, читая табель: „да какое множество любовныхъ писемъ разослано въ теченіе одного мѣсяца!... Скажи, пожалуй, неужели столько разстроилъ ты супружествъ въ столь краткое время?... 777,777? Это ужасъ!...“

— „Именно столько, Ваша Мрачность,“ отвѣчалъ чортъ.

— „Славно! славно!..“ воскликнулъ Сатана, продолжая смотрѣть въ бумагу. „Я долженъ сказать откровенно, что, изо всѣхъ отраслей моего правленія, твой департаментъ отличается наилучшимъ порядкомъ.“

— „Ваша Мрачность слишкомъ ко мнѣ милостивы....“

— „Дѣла текутъ у тебя чрезвычайно скоро.“

— „Женщины, Ваша Нечистая Сила, не любятъ, чтобъ они долго оставались на справкѣ.“

— „И послѣ всякой масляницы у тебя нерѣшенныхъ дѣлъ почти не остается.“

— „Это самое удобное время къ очисткѣ сего рода.“

— „Притомъ же, твоя часть чрезвычайно обширна и едва ли не самая важная: она приноситъ мнѣ наиболѣе пользы.“

Фифи-Коко поклонился.

— „Ни одинъ изъ моихъ вѣрныхъ служителей не доставляетъ мнѣ такого числа проклятыхъ, какъ ты. Сколько у насъ въ аду великихъ мужей, глубокоумныхъ философовъ, мудрецовъ святошей, фанатиковъ, которыхъ никто изъ моихъ чертей не могъ соблазнить,—а ты, принялся за дѣло, женилъ ихъ, и—глядь!— черезъ нѣсколько времени привелъ ихъ ко мнѣ,—и не однихъ!... мужа и жену вмѣстѣ.“

— „Когда ихъ, Ваша Мрачность, такъ легко поймать на приманку сладкаго грѣха!“ примолвилъ чортъ, скромно потупивъ глаза.

— „Какъ бы то ни было, но я умѣю цѣнить твои дарованія, и поставляю себѣ въ обязанность наградить тебя блистательнымъ и приличнымъ образомъ,“ сказалъ Сатана съ торжественнымъ видомъ. „Вельзевуеъ! въ воздаяніе знаменитыхъ подвиговъ и безпримѣрной дѣятельности моего Главноуправляющаго на землѣ супружескими дѣлами, вели вызолотить ему рога.“ —

Черти, содержащіе стражу, схватили Фифи-Коко, отнесли его въ геенну, всунули головою въ печь и, раскаливъ ему рога до надлежащей степени, вызолотили ихъ прочно и богато; потомъ пустили его въ свѣтъ посѣвать дальнѣйшіе раздоры между двумя плъдами рода человѣческаго.

Сатана отдалъ трубку, всталъ съ престола, зѣвнулъ, потянулся и сказалъ:

— „Уфъ!... какъ я усталъ!... Какъ скучно управлять съ благоразуміемъ людскими глупостями!... Теперь, пойду гулять между огней въ гееннѣ, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ и полюбоваться пріятнымъ зрѣлищемъ, какъ жарятся люди.“ —

И онъ ушелъ.

